JEL: J20, O18, R13

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.165-181>

УДК 332.055.3 + 338.124.4

Региональные проявления шоков спроса и предложения: экономика Хабаровского края в период пандемии

А.Г. Исаев

Исаев Артем Геннадьевич

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, 680042, Российская Федерация

E-mail: isaev@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6569-2982

Аннотация. В статье приводится обзор краткосрочной динамики основных макроэкономических показателей Хабаровского края в период пандемии COVID-19 на фоне вводимых государством временных ограничительных мер, воздействие которых распространялось как на элементы регионального совокупного спроса, так и совокупного предложения. С точки зрения теории краткосрочной макроэкономической динамики, «шоки» совокупного предложения и спроса, подобные тем, что возникли в начальный период пандемии, приводят к резкому сокращению совокупного выпуска и росту фактической и естественной безработицы. Дополнительное негативное воздействие оказывает фактор ожиданий: рост неопределенности порождает увеличение сбережений и дополнительное сокращение потребительской активности. Показано, что в случае Хабаровского края наиболее «пострадавшими» секторами экономики явились розничная торговля и платные услуги населению. Если первая, испытав в апреле отрицательный шок, начала восстановление уже с мая, то вторые вернулись на траекторию роста только с июня. Население, столкнувшись с ограничениями на потребительском рынке, а также ввиду усилившейся неопределенности относительно своих будущих доходов, в течение 2020 г. поменяло структуру использования своих денежных доходов, в которой возросла доля сбережений и наличных денег на руках при соответствующем снижении доли расходов на товары и услуги. Отрицательный шок предложения способствовал резкому росту безработицы вплоть до 24,5 тыс. чел. в третьем квартале 2020 г., которая, однако, начиная с четвертого квартала стала столь же быстро сокращаться, при этом так и не достигнув «доковидного» уровня (менее 7 тыс. чел.) ко второму кварталу 2021 г. Характерной особенностью регионального рынка труда является перманентный отток населения за пределы края, усилившийся в 2020 г., что замедляет возврат регионального совокупного предложения к исходным позициям после снятия режима ограничений.

Ключевые слова: COVID-19, естественная безработица, расходы домохозяйств, миграция, экономический рост, Хабаровский край

Для цитирования: Исаев А.Г. Региональные проявления шоков спроса и предложения: экономика Хабаровского края в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 165–181. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.165-181>

Regional Aspects of Demand and Supply Shocks: Economy of the Khabarovsk Territory During a Pandemic

A.G. Isaev

Artyom Gennadyevich Isaev

Candidate of Sciences (Economics)

Leading Research Fellow

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: isaev@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6569-2982

Abstract. The article provides an overview of the short-term dynamics of macroeconomic indicators for the Khabarovsk Territory during the COVID-19 pandemic after the introduction of temporary restrictive measures in April and May 2020. The impact of these measures extended both to the elements of regional aggregate demand and aggregate supply. From the point of view of the theory of short-run economic fluctuations, aggregate supply and demand shocks, such as those that occurred in the initial period of the pandemic, lead to a reduction in aggregate output followed by an increase in actual and natural rate of unemployment. Expectations have an additional negative impact since the growth of uncertainty gives rise to an increase in savings and an additional reduction in consumer activity. In the case of Khabarovsk Territory it is shown that the most affected industries of the economy were retail trade and services. Both industries experienced a negative shock in April, but while the former began recovery as early as May, the latter returned to the growth trajectory only in June. Residents changed their income usage patterns due to the restrictions on the consumer market, as well as to increased uncertainty about their future income. The share of net savings and cash balances increased with a corresponding decrease in the share of spending on goods and services. A negative supply shock contributed to a sharp rise in unemployment up to 24.5 thousand unemployed in the third quarter of 2020. Starting from the fourth quarter unemployment began to decline rapidly, but it had not reached pre-pandemic level of less than 7 thousand unemployed by the second quarter of 2021. It is shown that the permanent population outmigration, which increased in 2020, is a specific feature of the regional labor market. It has slowed down the return of the regional aggregate supply to its pre-pandemic positions after the restrictions were cancelled.

Keywords: COVID-19, natural unemployment, household expenditures, migration, economic growth, Khabarovsk Territory

For citation: Isaev A.G. Regional Aspects of Demand and Supply Shocks: Economy of the Khabarovsk Territory During a Pandemic. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 165–181. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.165-181> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных особенностей экономического кризиса 2020 г., помимо беспрецедентных глубины и скорости нарастания, была его очевидная рукотворность, что кардинально отличает его от типичных рецессий, происходящих в мировой экономике с определенной цикличностью. С макроэкономической точки зрения первым и ключевым проявлением данного кризиса явился временный отрицательный шок совокупного предложения, почти мгновенно сокративший выпуск и занятость в секторах, подвергшихся государственным ограничительным воздействиям напрямую. Несмотря на то, что рецессия, последовавшая за данным шоком предложения, является эффективным откликом на проявления пандемии (Guerrieri et al., 2020), остается открытым вопрос, индуцирует ли данный шок сокращение выпуска и занятости в секторах экономики, не подвергавшихся напрямую ограничительным мерам, то есть выходит ли последовавшая рецессия за рамки первоначального эффективного отклика? Кроме того, понимание масштабов воздействия пандемии со стороны предложения и со стороны спроса является важным с точки зрения мер экономической политики стимулирования восстановления экономик от последствий пандемии COVID-19.

Эти вопросы актуальны не только на национальном, но и на региональном уровне. Прежде всего, региональные экономики существенно отличаются от национальных с точки зрения мобильности ресурсов, товаров и услуг¹. Кроме того, структура регионального производства определяет пределы потребления местными домохозяйствами локально произведенных товаров и услуг (что определяет масштабы региональных мультипликативных эффектов), а также характер межрегиональных товарных потоков. Наконец, границы воздействия региональных властей на региональную конъюнктуру существенно ограничены по сравнению с федеральным правительством, в особенности в части монетарной политики².

Не ставя перед собой задачу моделирования и количественной оценки всевозможных последствий и эффектов пандемии для экономики Хабаровского края, данное исследование делает попытку на основе анализа и сопоставления динамики различных макроэкономических показателей выявить основные тенденции и взаимосвязи, проинтерпретировать их с точки зрения соответствия каноническим макромоделям.

¹ Резкие ограничения международного авиасообщения на пике пандемии существенно ограничили международную мобильность населения.

² Хотя локальные коммерческие банки оказывают влияние на изменение предложения денег на региональном уровне, а следовательно, и на процентную ставку на локальном рынке капитала, последствия этих изменений не столь очевидны ввиду наличия межрегионального арбитража. Модель влияния местных коммерческих банков на региональный мультипликатор предложена в работах (Moore, Hill, 1982; Moore et al., 1985).

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПАНДЕМИИ

Исследователи в целом сходятся во мнении относительно основных причин и механизмов воздействия рецессии 2020 г. на совокупные спрос и предложение с точки зрения национальных и глобальной экономик (Буклемишев и др., 2021; Fornaro, Wolf, 2020; Guerrieri et al., 2020; Mankiw, 2020). Как уже было отмечено, экономический спад оказался преднамеренным. Для купирования стремительно распространяющейся по континентам инфекции государства вынужденно оказали воздействие на потребительское поведение, что ожидаемо привело к сокращению выпуска и занятости. Сообщества и политиков, и экспертов признают, что в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах подобные действия, вероятно, были наилучшим ответом (Mankiw, 2020).

В ответ на произошедшие макроэкономические шоки кривые совокупного спроса и предложения изменили свои положения, но эти изменения не были типичными с позиций обычных экономических рецессий. В наиболее простом виде механизм кризиса можно представить следующим образом. Сокращение совокупного спроса, последовавшее за вводимыми повсеместно режимами самоизоляции (а также ввиду минимизации межличностных контактов как следствия обычной человеческой осторожности), привело к замедлению скорости обращения денег. Уменьшение потребительских расходов привело к «фиксированию» денежных средств на руках вкладчиков и на их банковских счетах. Поскольку при данном уровне цен стало совершаться меньше торговых операций, кривая совокупного спроса сместилась влево.

Особенность пандемии 2020 г. состоит во внезапном и резком изменении потенциального уровня выпуска, последовавшего за введением государствами ограничительных мер, прежде всего, по отношению к тем отраслям экономики, для которых характерны тесные межличностные контакты (предприятия сферы торговли, общественного питания, массовых развлечений и т. д.). Снижение потенциального выпуска сопровождалось ростом естественного уровня безработицы и сдвигом влево вертикального участка кривой совокупного предложения, который ограничивает выпуск на уровне потенциального. Таким образом, новая точка равновесия сместилась влево, и экономика оказалась в состоянии рецессии. Однако в данном состоянии рецессии в экономике нет (по крайней мере, временно) избытка мощностей и предложение не может быть увеличено до отмены режима ограничений.

Падение спроса обусловлено сочетанием падения доходов и потребительской активности (Буклемишев, 2020; Общество..., 2020). При этом возвращение к предкризисной модели потребления будет происходить мед-

ленными темпами, поскольку нельзя говорить с уверенностью о быстром восстановлении таких секторов, как туризм, индустрия развлечений, пассажирские перевозки¹. Дополнительное негативное воздействие на протекание кризиса, вызванного пандемией, накладывает фактор негативных ожиданий. Рост неопределенности в отношении последствий вводимых ограничений порождает увеличение сбережений и дополнительное сокращение потребительской активности.

Интерес представляет влияние текущего кризиса на положение кривых IS и LM, от которых зависят величина и характер изменения совокупного спроса. Эти кривые описывают равновесие на рынках товаров и услуг, капитала и заемных средств, а также на денежном рынке. Как известно, данная модель объясняет формирование двух так называемых «ловушек» – инвестиционную «ловушку» и «ловушку» ликвидности. По мнению ряда экономистов, текущий кризис несет опасность возникновения еще одной дополнительной «ловушки» предосторожности (Буклемишев и др., 2021). В условиях распространения пандемии экономические агенты руководствуются в значительной степени мотивом предосторожности, отдавая предпочтение ликвидности вместо доходности (увеличение спроса на наличные деньги). В то же самое время растет чувствительность спроса на деньги при изменении дохода, так как населению необходимы деньги для осуществления расчетов. В результате совокупного действия указанных причин наклон кривой LM увеличивается и выпуск становится нечувствителен к процентной ставке.

Более сложные варианты объяснения откликов агрегированного спроса и предложения включают рассмотрение двухсекторной экономики на базе межвременной оптимизационной модели, один из секторов которой попадает под вводимые ограничения и временно (до конца текущего периода) прекращает выпуск (Guerrieri et al., 2020). В ситуации полных рынков и репрезентативных домохозяйств шок, затронувший сектор 1, может послужить катализатором отрицательного спросового шока для сектора 2 (не попавшего под ограничения), если продукты двух секторов являются комплементарными друг к другу и для стимулирования занятости требуется снижение реальной процентной ставки² (в противном случае рецессия затронет и сектор 2). Авторы делают заключение, что комплементарность продукции

¹ В частности, в 2020 г. был отменен ввиду сокращения пассажиропотока пользовавшийся большой популярностью фирменный поезд «Океан», курсировавший по маршруту Владивосток – Хабаровск (Фирменный поезд из Хабаровска во Владивосток опять отменили // Информационное агентство «Хабаровский край сегодня». 2020. 16 ноября. URL: <https://todaykhv.ru/news/tourism/30641/> (дата обращения: май 2021).

² Проблема ограничений процентных ставок снизу для развитых экономик и связанных с этим «ловушек» ликвидности рассмотрена в работе (Буклемишев и др., 2021).

секторов, попавших и не попавших под ограничения, вполне может иметь место в реальности, и уточнение этого вопроса имеет важные последствия для выбора вектора экономической политики.

Другие авторы в явном виде пытаются учитывать ожидания потребителей относительно своих будущих доходов. Последние оказывают влияние на текущий совокупный спрос, сокращая его, когда ожидаемые доходы будущего периода снижаются, и наоборот. На базе неокейнсианского подхода в работе (Fornaro, Wolf, 2020) моделируется влияние пандемии через непредвиденное сокращение роста производительности труда в будущих периодах, что отрицательно сказывается на ожидаемых доходах. Снижение номинальных процентных ставок в условиях близости последних к нулевым не предотвращает рост безработицы. Сокращение безработицы монетарными методами в данном случае имеет существенные ограничения. Снижение номинальных процентных ставок в ситуации уменьшающейся склонности к потреблению со стороны домохозяйств окажет лишь незначительное влияние на совокупный спрос по сравнению с нормальными условиями.

СИТУАЦИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

Макроэкономический анализ динамики экономики Хабаровского края в период пандемии, как и России в целом, удобно провести с точки зрения реакции совокупного спроса и совокупного предложения на воздействие макроэкономических шоков. Автор, таким образом, опирался на теоретическую схему, излагаемую в работах (Буклемишев, 2020; Mankiw, 2020). При этом, стоит оговориться, не ставилась задача объяснить изменения, происходившие в экономике Хабаровского края, с позиций модели IS – LM, хотя это и представляет отдельный интерес. Скорее решалась лишь половинчатая задача – проследить за изменениями макроэкономических агрегатов, составляющих данную модель, на примере отдельно взятого субъекта РФ.

Объемы промышленного производства в Хабаровском крае по итогам 2020 г. составили 99,1% к предшествующему году, что не позволяет сделать вывод о заметном влиянии пандемии на важнейший сектор экономики региона. Объемы добычи полезных ископаемых увеличились на 0,6%, тогда как обрабатывающая промышленность сократила выпуск на 1,8%¹. Заметный шок испытали сектор услуг и розничная торговля. Однако если розничная торговля, испытав в апреле сжатие оборота на 19,1%, уже с мая начала вос-

¹ При этом существенное сокращение выпуска по итогам 2020 г. испытал сектор нефтепереработки – одной из ключевых отраслей обрабатывающей промышленности региона. Годовое снижение объемов выпуска по виду деятельности «производство кокса и нефтепродуктов» составило 17,9% (Прокапало и др., 2020).

становление утраченных позиций, то спад в секторе платных услуг растянулся на два месяца – к концу мая их объем составлял 61,4% от мартовского уровня (рис. 1). Следует отметить, что затяжной локдаун, судя по всему, не отразился на динамике строительного сектора.

Рис. 1. Выпуск отдельных секторов экономики Хабаровского края, млн руб., в постоянных ценах февраля 2021 г. (сезонность устранена)

Fig. 1. Output of the sectors of the Khabarovsk Territory economy, mln rub., constant prices of February 2021 (seasonality removed)

Примечание: данные по секторам «Платные услуги населению» и «Строительство» приведены к сопоставимым показателям при помощи индексов цен на услуги / продукцию соответствующих секторов. Устранение сезонности проведено с помощью метода X-13 ARIMA.

Источник: здесь и далее – составлено по данным: Краткосрочные экономические показатели Хабаровского края / ФСГС. 2020. URL: <https://gks.ru/region/ind1108/Main.htm> (дата обращения: май 2020).

Динамика потребительских цен (рис. 2) с начала пандемии (со второго квартала 2020 г.) в целом не демонстрирует каких-либо существенных отклонений от долгосрочного тренда. Лишь динамика цен на продовольственные товары ускорилась с конца лета 2020 г. (уже после завершения периода апрельской самоизоляции) по отношению к собственному многолетнему тренду. Так, с августа 2020 г. по февраль 2021 г. продовольственные цены повысились на 6%, цены на непродовольственные товары – на 2,4%, на услуги – на 0,8%. Принимая во внимание, что торговля продуктами питания – отрасль с быстрым оборотом товарных запасов, и с учетом того, что тарифы на грузовые перевозки за период с апреля 2020 г. по февраль 2021 г. повышались только один раз (в январе 2021 г. на 3,7%), можно предположить, что основными драйверами повышения явились изменения цен сельхозпроизводителей и обесценение рубля. В целом же можно констатировать, что по-

требительские цены демонстрируют, за некоторым исключением, довольно инертную подстройку к макроэкономическим шокам в коротком периоде, что вполне согласуется с положениями теории.

Рис. 2. Среднемесячная динамика потребительских цен (январь 2015 г. = 100%)

Fig. 2. Average monthly consumer prices (January 2015 = 100%)

Обращает на себя внимание резкий рост в 2020 г. числа официально зарегистрированных безработных¹. Вплоть до второго квартала 2020 г. их численность не превышала 7 тыс. чел., а уже в третьем квартале количество зарегистрированных безработных возросло до пиковой величины в 24,5 тыс. чел. В какой степени данный прирост вызван рентоориентированным поведением ранее незарегистрированных безработных, отреагировавших на введение государством дополнительных мер поддержки населения в период пандемии², и выходом на биржу труда лиц, потерявших работу, но прежде не оформлявших трудовые отношения с работодателями, не является предметом настоящего исследования, однако данный факт имеет ряд важных следствий для экономики края. Покажем, как поквартально менялся естественный уровень безработицы в крае. Данный показатель традиционно рассчитывается как:

¹ Следует отметить, что численность безработных, рассчитываемая по методологии МОТ, не претерпела в 2020 г. сколь-нибудь резких изменений по сравнению с предыдущими годами.

² В апреле 2020 г. в соответствии с Поручением Президента РФ максимальный размер пособий по безработице был увеличен с 8000 до 12 130 руб. С учетом районных коэффициентов, в некоторых северных районах Хабаровского края максимальный размер пособий превысил 19 000 руб. (Размер пособия по безработице увеличен в Хабаровском крае / Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/177941> (дата обращения: апрель 2021).

$$u^* = \frac{\delta}{\delta + g} \times 100\% , \quad (1)$$

где δ – доля потерявших работу в общей численности занятых, g – отношение устроившихся на работу к численности зарегистрированных безработных. Динамика естественной безработицы показана на рисунке 3. Как видно из диаграммы, уровень естественной безработицы, так же как и фактической, резко и беспрецедентно увеличился в 2020 г., достигнув своего пика в третьем квартале. Поскольку естественная безработица является важным индикатором потенциального выпуска (на уровне полной занятости), можно констатировать, что нынешняя ситуация в экономике вызвана шоком со стороны предложения, приведшим к сокращению потенциального уровня выпуска по сравнению с предшествующими годами. Кроме того, как можно видеть на рисунке, для края характерно совпадение фактического и естественного уровней безработицы на протяжении длительного периода (включая 2020 г.), что указывает на длительное нахождение экономики края на траектории потенциального выпуска и подтверждает нециклический характер последнего кризиса.

Рис. 3. Естественная и фактическая безработица в Хабаровском крае, %
Fig. 3. Natural and actual unemployment in the Khabarovsk Territory, in percent

В связи с безработицей нельзя также не упомянуть еще об одном ее искусственном аспекте, связанном с ограничениями на ввоз иностранной рабочей силы. Однако, по всей вероятности, данный канал совокупного предложения не играет существенной роли в экономике региона. Так, в работе (Минакир, 2020) отмечается, что хотя закрытие границ и ограничило доступ

китайской рабочей силы на рынок труда Дальнего Востока, это не оказало сильного воздействия на экономику территории. Причина усматривается в том, что Китай еще до пандемии минимизировал свое трудовое присутствие на Дальнем Востоке в ответ на усиливавшиеся по отношению к нему в последние годы ограничения.

На первый взгляд, совпадение уровней естественной и фактической безработицы в Хабаровском крае на протяжении длительного периода (как минимум, с начала 2016 г.), как следует из рисунка 3, может свидетельствовать об отсутствии проявлений цикличности экономической динамики на уровне края, что наталкивает на мысль о продолжительном балансировании экономики региона на уровне потенциального выпуска. Однако более правдоподобным представляется, что проявления циклического характера экономической динамики просто «прячутся» за высокой межрегиональной мобильностью населения. Так, циклическая компонента безработицы может «не подавать вида» ввиду высокой эластичности выездной миграции по уровню безработицы, вероятной для Хабаровского края. Данные о сальдо миграции (рис. 4) косвенно подтверждают данное обстоятельство. Но если эта гипотеза верна, то перспективы долгосрочного развития экономики края после преодоления последствий пандемии (возвращения потенциального выпуска как минимум на уровень 2019 г. с сопутствующим снижением естественной безработицы) наталкиваются на отсутствие внутренних резервов (прежде всего, трудовых ресурсов).

Потребительские расходы безработных, имеющих право на получение пособий, финансируемых из федерального бюджета (или любой другой дополнительной финансовой помощи от государства), являются элементом автономных потребительских расходов, в отличие от (преимущественно) индуцированных потребительских расходов занятых. Пандемия привела к росту зарегистрированной безработицы, но в то же время и вызвала прирост автономной части потребительских расходов (в той степени, в какой пособия направляются на финансирование текущего потребления), несколько сократив при этом их индуцированную часть. В соответствии с принципом кейнсианского мультипликатора прирост автономных расходов вызывает прирост регионального выпуска (дохода)¹. Обратной стороной медали здесь является вероятный отток рабочей силы из региона, приводящий к сокращению регионального выпуска и дальнейшему росту безработицы. Поясним это следующим образом.

¹ Прирост регионального выпуска будет больше прироста автономных расходов, если доля m расходов на товары и услуги, ввозимые в регион из-за его пределов, будет меньше предельной склонности к потреблению c , и наоборот. В общем случае величина регионального мультипликатора автономных расходов равна $1 / (1 - (c - m) (1 - t))$, где t – величина (предельной) налоговой ставки на единицу генерируемого дохода.

Рис. 4. Сальдо миграции в Хабаровском крае, тыс. чел.

Fig. 4. Migration balance of the Khabarovsk Territory, thousand pers

Пособие по безработице – вид федерального трансферта в регион. Миграция из региона означает потерю этого трансферта. При этом неважно, идет ли речь об оттоке безработных или имевших работу¹. Потеря части трансферта будет иметь мультипликативный эффект для регионального производства. Потеря регионального дохода может вести к сокращению региональных индуцированных инвестиций (например, сокращение жилищного строительства, инвестиций в сферу обслуживания и т. д.).

Отрицательное сальдо миграции в 2020 г. (–7354 чел.) явилось рекордным за последние годы. Последствия миграции в смысле, описанном выше, зависят от величины мультипликатора, но учитывая динамику на рынке труда, можно говорить о том, что восстановление региональной экономики, в частности, сокращение безработицы, будет происходить не столь желаемыми темпами.

Для анализа последствий пандемии немаловажным является рассмотрение динамики доходов домохозяйств, а также трансформации их поведения на потребительском и денежном рынках. Первым, очевидным «шоком» стало резкое сокращение покупок товаров и услуг во втором квартале 2020 г. (рис. 5). Это явилось очевидным следствием введенных государством ограничений, коснувшихся как продавцов, так и покупателей товаров и услуг. Обращает на себя внимание резкое изменение долгосрочных трендов сбережений и кассовых остатков на руках у населения. Если первые с 2015 г. демонстрировали устойчивое сокращение (вплоть до ухода в зону «чистой

¹ В случае если выбывшими являются граждане, имевшие работу, их рабочие места занимают бывшие до этого безработными, и регион также лишается части трансферта.

задолженности» с середины 2019 г.), а вторые балансировали в области околонулевых величин, то со второго квартала 2020 г. наблюдается резкий прирост денежных запасов на руках и счетах у населения. Этому есть два объяснения.

Рис. 5. Структура использования среднемесячных реальных денежных доходов домохозяйств, руб., в постоянных ценах четвертого квартала 2020 г. (квартальные данные; сезонность устранена)

Fig. 5. The usage of the average real monetary income of households, rubles, in constant prices of the fourth quarter of 2020 (quarterly data; seasonality removed)

Во-первых, и самое очевидное, сыграло роль резкое сокращение спроса и предложения на рынке товаров и услуг в результате введения ограничительных мер (см. также рис. 1). Во-вторых, поскольку пандемия породила известную неопределенность, связанную с будущими доходами, население предпочло увеличить свои денежные запасы исходя из мотива предосторожности (Буклемишев и др., 2021). О сокращении спроса свидетельствует и тот факт, что в апреле 2020 г. количество выданных кредитов физическим лицам сократилось на 35% по сравнению с предыдущим месяцем и на 18% по сравнению с апрелем 2019 г.

Если бюджетно-налоговая политика имеет своих конечных адресатов¹, то национальная монетарная политика генерирует дифференцированные

¹ Влияние мер налогово-бюджетной политики на экономику Дальнего Востока в период пандемии рассмотрено в работе (Минакир, 2020).

эффекты для разных регионов посредством различных трансмиссионных каналов. Один из каналов – канал процентной ставки. Отрасли демонстрируют неодинаковую чувствительность к изменениям процентных ставок. Так, например, строительство и обрабатывающая промышленность считаются высокочувствительными к колебаниям процента (Ridhwan et al., 2011). Следовательно, регионы с высокой пропорцией названных отраслей могут быть более уязвимы по отношению к жесткой монетарной политике.

В рамках кредитного канала чувствительность к монетарной политике зависит от преобладающего размера фирм и банков в регионе. Крупные фирмы имеют доступ к национальному рынку капитала, тогда как мелкие фирмы ограничены поддержкой локальных финансовых институтов (в основном – банковскими кредитами). Таким образом, если в регионе высока концентрация мелких фирм, он также испытает значительное негативное влияние на выпуск в результате сокращения денежной массы. Аналогичным образом более крупные банки имеют больше альтернативных источников финансирования по сравнению с мелкими, поэтому межрегиональные различия в структуре банковского сектора могут привести к дифференцированным эффектам в ответ на сдерживающую национальную денежно-кредитную политику.

Характер трансмиссии денежно-кредитной политики на региональном уровне зависит от того, насколько банковская система региона и локальный рынок капитала интегрированы в общенациональный рынок. Банковская система Хабаровского края является сильно интегрированной в национальную систему¹. Нельзя однозначно сказать, что крупный бизнес сильно ориентирован на национальный рынок капитала: в 2020 г. банковской системой Хабаровского края было выдано кредитов юридическим лицам на сумму 205,4 млрд руб., 36% из которых имели адресатами малые и средние предприятия (собственниками которых с большой долей вероятности можно считать резидентов края). Вместе с тем, из оборота предприятий и организаций (в 2019 г.) в 1643 млрд руб. 30% приходилось на малые предприятия. Из сопоставления этих цифр видно, что доля малых предприятий на местном рынке заемных средств вполне соответствует их доле в общем объеме годового оборота бизнеса.

Из сказанного можно сделать осторожное предположение о том, что экономика Хабаровского края не имеет ярко выраженной локальной специфики структуры, искажающей последствия национальной монетарной

¹ К 2020 г. в крае не осталось ни одного коммерческого банка, чей головной офис расположен на территории региона.

политики на местном уровне¹. Нельзя исключать, что восстановлению спроса способствовала и национальная монетарная политика – ключевая ставка Центрального банка снизилась с 6% в марте 2020 г. до 4,25% к июлю и держалась на этом уровне до конца марта 2021 г. Так или иначе, этот период сопровождался увеличением денежной массы в экономике Хабаровского края². Население после окончания самоизоляции резко начало восстанавливать потребительский спрос. Так, в третьем квартале 2020 г. количество наличных денег на руках домохозяйств сократилось наполовину по сравнению с предыдущим кварталом. Помимо этого, начиная с мая и до конца 2020 г. возрастала величина кредитования населения: уже в сентябре сумма выданных кредитов физическим лицам превысила апрельский (минимальный) показатель в 1,9 раза. В целом же за вторую половину 2020 г. сумма выданных кредитов заметно превысила показатель второй половины 2019 г.

Таким образом, потребительский спрос в Хабаровском крае демонстрировал тенденцию к довольно быстрому восстановлению после макроэкономических шоков весны 2020 г. Нельзя не упомянуть о том, что ввиду по-прежнему сохраняющихся ограничений на международные передвижения неудовлетворенный спрос в данном сегменте, по всей видимости, явился дополнительным источником роста локального спроса. Если в первой половине 2020 г. предельная склонность к потреблению снизилась ввиду возросшей неопределенности домохозяйств относительно будущих доходов, то во второй половине года предельная склонность к потреблению не только вернула свои позиции ввиду восстановления положительных ожиданий, но и увеличилась за счет появления нового канала спроса. При этом по-прежнему сохраняются внешнеэкономические спросовые ограничения, появившиеся вслед за введением государственных ограничительных мер. Данные ограничения касаются не только экспорта товаров в сопредельные страны, но и услуг, оказываемых иностранным резидентам, объем которых непрерывно увеличивался в предшествующие годы вплоть до весны 2020 г.

¹ Сектор обрабатывающей промышленности также не занимает доминирующего положения в структуре ВРП Хабаровского края.

² Имея данные о структуре банковских активов в регионе (величине минимальных и избыточных резервов, выданных кредитов, а также ценных бумаг), можно оценить мультипликатор, учитывающий региональную банковскую систему (Moore, Hill, 1982; Moore et al., 1985). Данный мультипликатор принимает во внимание тот факт, что располагаемый доход домохозяйства состоит из собственно дохода и полученного кредита. Тогда функция потребления имеет вид $C = C_0 + c(Y(1-t) + CR)$, где CR – размер кредита (следует отметить, что c может превышать 1). Величина этого расширенного мультипликатора будет превышать величину традиционного мультипликатора. Размер превышения будет во многом зависеть от доли банковских активов, направляемой на покупку ценных бумаг (что сокращает размер заемных средств в структуре активов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе динамики краткосрочных макроэкономических индикаторов в статье проведен анализ динамики потребительского спроса, совокупного предложения в Хабаровском крае в период пандемии, а также поведения домохозяйств на денежном рынке. Распространение коронавируса КОВИД-19 и введение ограничительных мер на перемещения и контакты людей по всему миру привели к шокам спроса и предложения, специфика и последствия которых варьировались от страны к стране. Региональные особенности также вносят свой вклад в характер протекания последовавших экономических процессов.

Введение ограничительных мер привело к сокращению предложения и последовавшему резкому увеличению фактической и естественной безработицы. Неблагоприятные обстоятельства усилили наблюдавшийся и до 2020 г. отток населения из Хабаровского края. Наличие отрицательного сальдо миграции имеет своим следствием многолетнее функционирование экономики региона на уровне потенциального выпуска (не имеющего резервов роста при данном уровне естественной безработицы). Как следствие, рост выпуска возможен только за счет сокращения естественной безработицы. Отток населения при высокой безработице имеет важные экономические последствия с той точки зрения, что сокращает величину автономных расходов. При заданном региональном мультипликаторе это приводит к отставанию динамики предложения от динамики восстанавливающегося спроса, а следовательно, к более медленному восстановлению исходных позиций и темпам сокращения безработицы ниже ожидавшихся, что и наблюдается в экономике края, несмотря на стремительно восстанавливающийся спрос. Последствием этих процессов может явиться рост темпов инфляции в 2021 г. выше уровня своего многолетнего тренда.

К настоящему моменту уровень безработицы (9,1 тыс. чел. официально зарегистрированных безработных в марте 2021 г.), хотя и значительно снизился по сравнению с пиковым периодом середины 2020 г., все еще существенно выше количества безработных за 2019 г. (6,4 тыс. чел.). Дальнейший ход развития событий будет во многом зависеть от формирования ожиданий населения и бизнеса, как в отношении инфляции, так и в отношении перспектив восстановления предложения на определенных рынках до уровней, предшествовавших пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буклемишев О.В. Коронавирусный кризис и его последствия для экономики // Население и экономика. 2020. № 2. С. 13–17. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53295>
- Буклемишев О.В., Зубова Е.А., Качан М.Н., Куровский Г.С., Лаврентьева О.Н. Макроэкономическая политика в эпоху пандемии: что показывает модель IS-LM? // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 35–47. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-35-47>
- Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>
- Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020. 744 с.
- Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>
- Fornaro L., Wolf M. COVID-19 Coronavirus and Macroeconomic Policy / Barcelona Graduate School of Economics. Working Paper No. 1168. 2020. 9 p. URL: https://www.barcelonagse.eu/sites/default/files/working_paper_pdfs/1168.pdf (дата обращения: апрель 2021).
- Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L., Werning I. Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? / NBER. Working Paper No. 26918. 2020. 36 p. <https://dx.doi.org/10.3386/w26918>
- Mankiw G. The Covid-19 Recession of 2020 / Harvard University. 2020. 7 p. URL: https://scholar.harvard.edu/files/mankiw/files/covid-19_recession_of_2020_aug2020.pdf (дата обращения: апрель 2021).
- Moore C., Hill J. Interregional Arbitrage and the Supply of Loanable Funds // Journal of Regional Science. 1982. Vol. 22. Issue 4. Pp. 499–512. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1982.tb00772.x>
- Moore C., Karaska G., Hill J. The Impact of the Banking System on Regional Analyses // Regional Studies. 1985. Vol. 19. Issue 1. Pp. 29–34. <https://doi.org/10.1080/09595238500185041>
- Ridhwan M., de Groot H., Rietveld P., Nijkamp P. The Regional Impact of Monetary Policy in Indonesia / Tinbergen Institute. Discussion Paper TI-2011-081/3. 2011. 27 p. <https://papers.tinbergen.nl/11081.pdf> (дата обращения: апрель 2021).

REFERENCES

- Buklemishev O.V. Coronavirus Crisis and its Effects on the Economy. *Naselenie i Ekonomika = Population and Economics*, 2020, no. 2, pp. 13–17. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53295> (In Russian).
- Buklemishev O.V., Zubova E.A., Kachan M.N., Kurovsky G.S., Lavrentieva O.N. Macroeconomic Policy in a Pandemic Era: What does the IS-LM Model Show? *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2021, no. 2, pp. 35–47. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-35-47> (In Russian).
- Fornaro L., Wolf M. *COVID-19 Coronavirus and Macroeconomic Policy*. Barcelona Graduate School of Economics, Working Paper No. 1168, 2020, 9 p. Available at: https://www.barcelonagse.eu/sites/default/files/working_paper_pdfs/1168.pdf (accessed April 2021).

- Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L., Werning I. Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? *NBER. Working Paper No. 26918*, 2020, 36 p. <https://dx.doi.org/10.3386/w26918>
- Mankiw G. *The COVID-19 Recession of 2020*. Harvard University, 2020, 7 p. Available at: https://scholar.harvard.edu/files/mankiw/files/covid-19_recession_of_2020_aug2020.pdf (accessed April 2021).
- Minakir P.A. The Economy of the Pandemic: A Far Eastern Russian Aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022> (In Russian).
- Moore C., Hill J. Interregional Arbitrage and the Supply of Loanable Funds. *Journal of Regional Science*, 1982, vol. 22, issue 4, pp. 499–512. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1982.tb00772.x>
- Moore C., Karaska G., Hill J. The Impact of the Banking System on Regional Analyses. *Regional Studies*, 1985, vol. 19, issue 1, pp. 29–34. <https://doi.org/10.1080/09595238500185041>
- Prokapalo O.M., Bardal A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2020. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 2. Pp. 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126> (In Russian).
- Ridhwan M., de Groot H., Rietveld P., Nijkamp P. *The Regional Impact of Monetary Policy in Indonesia*. Tinbergen Institute. Discussion Paper TI-2011-081/3, 2011, 27 p. Available at: <https://papers.tinbergen.nl/11081.pdf> (accessed April 2021).
- Society and the Pandemic: Experience and Lessons from the Fight against COVID-19 in Russia*. Moscow, 2020, 744 p. (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 20.05.2021

Принята к публикации / Revised: 30.05.2021

Опубликована online / Published online: 30.06.2021